

П.Л. Белков

**ОКЕАНИЙСКИЕ ПРЕДМЕТЫ Л. С. ВАКСЕЛЯ
В ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ НАУЧНЫХ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ
(ПО ДОКУМЕНТАМ МАЭ РАН, РГА ВМФ И ПФА РАН)**

Непосредственным стимулом к настоящему исследованию послужила гипотеза Дэвида Аттенборо, положенная в основу фильма «The Lost Gods of Easter Island» (BBC, 2000). Главная идея, впервые опубликованная еще в 1990 г., заключается в сопоставлении двух рапануйских фигурок из собрания Санкт-Петербургской Кунсткамеры с рисунками, хранящимися в Библиотеке Митчелла, в Сиднее [Attenborough 1900: 42–34].

Рисунки вложены в альбом, первоначально принадлежавший самому капитану Куку, а затем перешедший к Исааку Смиту, двоюродному брату жены Кука, участнику первого и второго плавания Кука. Альбом так и озаглавлен: «Подлинные эскизы, рисунки, карты etc., собранные адмиралом Исааком Смитом, который служил офицером под командованием капитана Джеймса Кука, кругосветного плователя, во время его первого и второго путешествия. Ad 1768–1775» [Ibid: 42]. По некоторым предположениям, две упомянутые акварели были созданы эйблсимиеном Генри Робертсом, участвовавшим во втором путешествии Джеймса Кука [Jorpien, Smith 1985: 263, 264]. Причем изображения, о которых идет речь, настолько детальны, что, кажется, не возникает никаких сомнений в том, что перед нами именно эти фигурки: *тангата ману*, или «человек-птица» (инв. № 736-204), и антропоморфная фигурка в виде жезла (инв. № 736-205), которую мы условно будем называть «фигурка с гребнем». Это удивительное сходство и позволило Д. Аттенборо предположить, что данные предметы покинули о-в Пасхи в 1774 г. вместе с экспедицией Кука.

**Коллеция № 736 и «русская» версия
происхождения рапануйских фигурок МАЭ**

В подтверждение своей идеи Д. Аттенборо использует в качестве прецедента некоторые эпизоды, связанные с именами спутников Кука. В частности, он опирается на воспоминания натуралиста Георга Форстера, принимавшего участие в плавании вместе со своим отцом, Иоганном Рейнгольдом Форстером. В его книге «Путешествие вокруг света» есть одно

© П.Л. Белков, 2007

место, вполне правдоподобно объясняющее, как рапануйские изделия могли попасть на борт одного из кораблей Дж. Кука. Так, он довольно подробно рассказывает об уроженце острова Борабора (о-ва Общества) по имени Махине, переводчике Кука, который во время пребывания экспедиции на о-ве Пасхи целенаправленно разыскивал и приобретал деревянные резные изображения в расчете получить за них хорошую цену на Таити. По описанию Г. Форстера, подобные фигурки были вырезаны из узких кусков дерева длиной в восемь дюймов или два фута, причем тела фигурок были «обычно слишком вытянуты». Эти характеристики полностью совпадают с внешним видом фигурки № 736-205. Также достоверно известно, что однажды Махине приобрел женскую руку, вырезанную из желтого дерева, которую затем подарил отцу Георга Форстера, Иоганну Рейнгольду Форстеру [Форстер 1986: 254]. Впоследствии Форстер-старший передал этот предмет в Британский Музей, где он и находится в настоящее время.

Таким образом, с одной стороны, существуют указания на то, что некоторое число рапануйских резных изображений было вывезено с острова Пасхи на Таити и какая-то часть из них, вероятно, поплыла дальше вместе с кораблями Кука, в конце концов достигнув берегов Англии. С другой стороны, почти фотографическая точность рисунков Робарта убеждает в их тождественности предметам № 736-204 и № 736-205.

Здесь следует особо оговорить еще один момент. Стилистически две интересующие нас фигурки, образуют единую серию вместе с третьей фигуркой — № 736-203, которую, по существующей классифиции, можно номинировать как *моаи кавакава*. По крайней мере, можно согласиться с мнением А. Кепплера, которая уверенно трактует три петербургские фигурки как совокупное поступление по обстоятельствам и времени приобретения («the three earliest-known Rapa Nui figures to reach Europe») [Каерплер 2001: 36].

Каким же путем эти вещи могли оказаться в коллекциях Санкт-Петербургской Кунсткамеры? Дэвид Аттенборо полагает, что они прибыли в Санкт-Петербург вместе с экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена среди предметов, приобретенных на Таити в 1820 г. В своих рассуждениях он опирается на сам факт существования 736-й коллекции, восходящей, как обычно считается, к собранию предметов, переданных в Академию наук по императорскому указу от 19 октября 1827 г. из бывшего музея Адмиралтейского департамента. Как известно, коллекции этого музея складывались в первой четверти XIX в. из дарений участников русских кругосветных плаваний. И первоначально коллекции, привезенные из плавания 1819–1821 гг. на кораблях «Восток» и «Мирный» под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, также были переданы в музей Адмиралтейского департамента.

Адриенн Кепплер резко критикует позицию Д. Аттенборо, полностью отвергая куковское происхождение рапануйских фигурок из Кунсткамеры. Основной удар наносится как раз по той части его концепции,

в которой речь идет о «рисунках Робартса». По ее мнению, несмотря на явное сходство с рисунками из альбома контр-адмирала Смита, принадлежность этих фигурок к путешествиям капитана Кука маловероятна. В связи с этим она подчеркивает, что в рукописном индексе, являющемся приложением к альбому, указаны только 34 листа, а рисунок с рапануйскими артефактами находится на 36-м листе, следовательно, является позднейшим включением. Это замечание Кепплер существенно, и позже мы к нему еще вернемся.

Рисунки рапануйских фигурок из альбома Исаака Смита были впервые опубликованы в 1985 г. в полном собрании рисунков из куковских путешествий [Joppien, Smith 1985: 264]. Из самого факта публикации можно заключить, что его составители относят данные рисунки ко времени куковских путешествий. Однако А.Л. Кепплер пытается уличить одного из них, Бернарда Смита, в непоследовательности, сославшись на его личное сообщение, относящееся к 1983 г. Как она уверяет читателей, в этом письме Б. Смит писал ей о своем подозрении, что эти изображения связаны с более поздним периодом карьеры Исаака Смита в британском военно-морском флоте. Во избежание каких-либо искажений позиции А.Л. Кепплер приведем это место полностью на языке оригинала:

«There has been speculation that these figures derive from Cook's voyage, but this is unlikely. Two of the figures appear in a drawing in a volume now in the Mitchell Library, Sydney, which belonged to Isaac Smith (d.1831). Isaac Smith, a cousin of Mrs.Cook, sailed on Cook's first and second voyages and went on to become a Rear Admiral in the British navy. The volume of drawings has a handwritten index that lists the thirty-four folios associated with Cook's voyages. The drawing of Rapa Nui artifacts is on folio 36* and is not mentioned in the index, suggesting that it was a later addition. Although this drawing was included with the rest of the drawings of this volume in Rüdiger Joppien and Bernard Smith's book on Cook-voyage drawings, in our earlier correspondence about this drawing, Smith notes that he suspects "that they belong to Isaac Smith's later career in the British Navy" (Smith, personal communication 1983) — with this I agree» [Kaepler 2003: 24].

Дело в этом отрывке представлено так, будто Бернгард Смит находится в состоянии полного неведения относительно аргументов, которыми оперирует А.Л. Кепплер. Между тем Йоппиен и Смит весьма четко изложили все существующие точки зрения, в том числе точку зрения Кепплер: «Д-р Адриенн Кепплер привлекла наше внимание к сходству между рисунками и резными изображениями в Ленинграде. Она исходит из того мнения, что резные изображения были собраны во время путешествий либо Лисянского (1804), либо Коцебу (1816)» [Joppien, Smith 1985: 264].

То же самое можно сказать по поводу того, что два последних листа в альбоме Исаака Смита, в том числе 36-й лист с рисунками рапануйских

* Согласно публикации Йоппиена и Смита, рисунки рапануйских вещей находятся на листе 35. См.: [Joppien, Smith 1985: 264].

фигурок, не указаны в индексе. Это замечание было давным-давно сделано Дэвидом Аттенборо в той самой статье, которую А.Л. Кепплер так резко критикует. «Эти два листа с рисунками, — пишет Аттенборо, — не значатся в рукописном указателе к альбому, составленному рукой адмирала Смита. Таким образом, то, что они имеют отношение к Куку, не может быть принято как нечто данное» [Attenborough 1990: 43].

Версии Д. Аттенборо американская исследовательница противопоставляет иную точку зрения, которую мы обозначим как «русскую» версию. По ее мнению, фигурки с о-ва Пасхи были (точнее, могли быть) привезены российскими кругосветными мореплавателями. Она связывает происхождение рапануйских фигурок из МАЭ прежде всего с именем Ю.Ф. Лисянского, зная, что в первой четверти XIX в. к о-ву Пасхи подходили только корабли Ю.Ф. Лисянского («Нева», 1804) и О.Е. Коцебу («Рюрик», 1816) [Каерплер 2003: 24]. Причем во втором случае высадка на берег происходила в обстановке крайней враждебности со стороны островитян и принесла членам экипажа лишь несколько связок бананов и тростника в обмен на куски старого железа [Коцебу 1821: 48–49; Коцебу 1948: 53–56].

Информация о «Неве» и «Рюрике» подается как нечто совершенно неизвестное Дэвиду Аттенборо, хотя на самом деле в его статье посещению этими кораблями о-ва Пасхи посвящен достаточно большой фрагмент и его резюме носит абсолютно точный характер: в связи с экспедицией Ю.Ф. Лисянского не упоминается ни о каких резных изображениях, а членам команды О.Е. Коцебу вообще не удалось вступить в мирный контакт с островитянами, поэтому к предположению о приобретении двух фигурок во время визитов русских кораблей должно относиться весьма скептически [Attenborough 1990: 42]. На мой взгляд, все эти недоразумения во многом проистекают из смешения двух, в сущности, различных вопросов: о происхождении трех фигурок из МАЭ и происхождении фигурки, случайно приобретенной Дэвидом Аттенборо на аукционе в Нью-Йорке в 1984 г. [Ibid: 47]. Мы сосредоточимся только на тех аргументах А.Л. Кепплера, которые имеют непосредственное отношение к ранним поступлениям Кунсткамеры.

Когда речь идет о первой русской кругосветной экспедиции, А.Л. Кепплер слегка лукавит еще и в том отношении, что ограничивается лишь общим упоминанием самого факта обмена вещами между русскими моряками и островитянами во время визита «Невы» [Каерплер 2003: 24]. Однако попытка лейтенанта Повалишина высадиться на остров в 1804 г. (шлюпку не удалось подойти к берегу из-за сильного прибоя, и обмен происходил на воде) описана в мельчайших подробностях, что совершенно исключает возможность приобретения каких-либо предметов, кроме тростникового плотика и плетеной сумки. «О рукоделиях сих островитян, — писал Ю.Ф. Лисянский, — с точностью судить не могу, но кошелек и мат, подаренные стариком г. Повалишину, заслуживают некоторое внимание. Первый длиною в 15 дюймов и сплетен весьма искусно из травы, а второй длиною в 4 1/2 футов, шириною в 15 S дюймов; в середине сего

последнего положены сахарные трости, сплетенные камышом; снурок же, коим сплетен мат и из которого сделаны были ушки у кошелька, хотя также составлен из травы, но чистотою нимало не уступает льняному, каковым с самого начала он нам и показался» [Лисянский 1812: 96].

Наконец, в архиве ВМФ имеются реестры вещей, подаренных музею Адмиралтейского департамента Ю.Ф. Лисянским и П.В. Повалишиным в 1806 г. В этих списках нет ничего, что хотя бы отдаленно указывало на наличие каких-либо скульптурных изображений («идолов») [РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 762. Л. 2, 4]. Таким образом, совершенно невозможно утверждать, что рапануйские фигурки относятся к коллекциям, переданным участниками первого русского кругосветного плавания в музей Адмиралтейского департамента.

Возникает своего рода замкнутый круг. С одной стороны, вроде бы ни один из документов того времени не содержит в себе записей, которые могли бы подтвердить появление рапануйских фигурок в Кунсткамере в связи с передачей коллекций из Адмиралтейского департамента. С другой стороны, эти предметы все-таки существуют, причем находятся они в 736-й коллекции, которая, согласно музейным документам конца XIX — начала XX в. (книгам поступлений, карточному каталогу и описи), состоит из вещей бывшего музея Адмиралтейского департамента.

Собственно говоря, это «все-таки» и является одним из главных аргументов Кепплер. В своих выводах она полностью полагается на информацию, заключенную в старых описях музея. Как она пишет, «коллекция в Санкт-Петербурге, к которой принадлежат эти фигурки и которая состоит из ряда коллекций Российского Адмиралтейства, имеет префикс «736», тогда как коллекция из путешествия Кука имеет префикс «505» [Каерплер 2003: 24]. Однако инвентари за номером 505 и 736, как и многие другие описи конца XIX — начала XX в., сами по себе нельзя использовать как документы, удостоверяющие происхождение вещей, ибо они отстают от времени их поступления почти на столетие или более того. То, что эти регистрационные документы конца XIX — начала XX в. являются лишь очень приблизительными реконструкциями, видно уже из самого их содержания. Кроме того, это нетрудно узнать из литературы по истории МАЭ конца XIX — начала XX в. Вот что писали об условиях, в которых начиналась регистрация, непосредственные участники событий: «В Музее велись, правда, книги с записями поступлений, но эти записи заключали в себе только даты и общие характеристики коллекций в целом, отдельные же предметы, входившие в состав коллекций, оставались без номеров и этикеток» [Штернберг и др. 1907: 32]. Таким образом, любые ссылки на описи («индексы») конца XIX — начала XX в. в качестве доказательства исторической идентичности входящих в них вещей совершенно бессмысленны, если речь идет о ранних поступлениях МАЭ.

Одним из наиболее ярких последствий поспешной регистрации является путаница с датировкой передачи вещей из Адмиралтейского департамента в Кунсткамеру. В музейных документах конца XIX — начала

XX в. обычно указывается 1826 г. В статье А.Л. Кепплер в отношении рапануйских фигурок приводятся две взаимоисключающие даты: 1826 г. и 1830 г. В каталоге рапануйской скульптуры, прилагаемом к статье 2003 г., о Санкт-Петербургских фигурках говорится следующее: «Предметы в музее с префиксом 736 (коллекция, состоящая из 303 вещей) происходят из русских плаваний до 1826 г. и были отданы Адмиралтейством в музей в 1830 г.» [Каерплер 2003: 34]. Эта фраза представляет собой сплошное недоразумение. В данном контексте вывод о том, что «предметы с префиксом 736» были в музее Адмиралтейского департамента до 1826 г., можно сделать только при условии, если в качестве даты передачи вещей в Кунсткамеру принять 1826 г., что, разумеется, противоречит второй части фразы. Хотя А.Л. Кепплер не указывает источник, откуда взяты эти цифры, можно догадаться, что это регистрационные документы конца XIX — начала XX в. и даже середины XX в.

Обратимся к старой описи коллекции № 736, составленной в апреле 1903 г. младшим этнографом МАЭ Е.Л. Петри (подлинник этой описи в настоящее время находится в отделе учета и хранения МАЭ). На титульном листе в графе «Время поступления» первоначально был поставлен год «1830», а затем две последние цифры исправлены на «26». Следует иметь в виду, что титульный лист описи заполнялся дважды, до и после революции 1917 г., когда были внесены некоторые дополнения. Это видно как по различию почерков, так и по орфографии (как известно, после 1917 г. некоторые знаки русского алфавита были отменены). Один почерк принадлежит сыну Е.Л. Петри Б.Э. Петри, который работал в МАЭ в начале XX в. При нем графа «Время поступления» оставалась незаполненной. Позднейшие записи были сделаны Л.Г. Розиной и относятся к 1950–1960-м годам (западным исследователям ее имя известно по публикации 1978 г. Музея Бишопа под редакцией А. Кепплер [Rozina 1978: 3–17]). Видимо, именно она впервые заполнила графу «Время поступления», сначала поставив явно ошибочную дату «1830», а затем исправив на «1826», вероятно, в результате сверки с Книгой поступления МАЭ начала XIX в., где против индекса 0736 рукой Е.Л. Петри сделана запись: «Из Адмиралтейского Музея в 1826 году» [МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 2. № 1].

Остается выяснить, чем руководствовалась сама Е.Л. Петри, датируя передачу вещей из «Адмиралтейского музея» 1826 годом. Это довольно просто сделать. На титульном листе описи № 736 в графе «Документы» значится «Ведомость препроводительная». Данная запись соответствует очень старому музейному документу: «Ведомость редкостям, отданным из музея бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук» (в дальнейшем — «Ведомость редкостям») [Там же. Оп. 1. № 16 / 1, 2, 3], который хранился в архиве отдела Австралии, Океании и Индонезии МАЭ до 2005 г., когда был передан в отдел учета и хранения. На титульном листе справа ниже заглавия стоит дата: «1826 года Генваря дня».

Между тем, как мы уже упоминали, императорский указ о расформировании музея Адмиралтейского департамента был подписан только

19 октября 1827 г., т. е. почти на два года позже указанной даты. Понятно, что дата «1826», поставленная на «Ведомости редкостям» из МАЭ, является опиской, возникшей при переписывании или использовании какого-то другого, исходного по своему значению документа. Такой документ действительно существует. Недавно он был найден в Российском государственном архиве военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Этот документ носит то же самое название и в качестве одной из частей включает список этнографических вещей, идентичный «Ведомости редкостям» из МАЭ. На титуле стоит дата «1828 года Генваря 26 дня» [РГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 127. Л. 11]. Эта запись представляет для нас двойной интерес. Помимо фиксации точного времени передачи этнографических вещей музею в Кунсткамеру, она объясняет, что послужило причиной ошибки при переписывании документа.

В архиве Российской академии наук также есть документ, прямо указывающий на то, что передача вещей из Адмиралтейского департамента состоялась именно в 1828 г. В деле «Об академических зданиях» имеется рапорт, по-видимому, конца 20-х — начала 30-х гг. XIX в., в котором содержатся сведения по истории «Академического кабинета» и подробное описание его залов. Как гласит этот документ, «в 1828 году по Высочайшему повелению поступило в Академию из Музеума Адмиралтейского Департамента большое собрание чучел: зверей и птиц, одежд и орудий диких народов, привезенных морскими офицерами, совершавшими плавание вокруг света» [ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1827. № 3. Л. 13 об.]. Наконец самое простое, с чего и следовало бы начинать. Возьмем «Журнал Этнографического музея» («Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.») и посмотрим записи поступлений 1828 г. Здесь дана выписка из Журнала Комитета правления Академии, согласно которой копия каталога вещей, переданных из Адмиралтейского департамента, была отослана в Конференцию Академии 5 марта 1828 г. [МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп.1. Папка 1, л. 55].

Таким образом, Д. Аттенборо с источниками информации повезло несколько больше, чем А.Л. Кепплер. В его статье дата передачи вещей из Адмиралтейского департамента указана верно: 1828 г. [Attenborough 1990: 42, 46].

Однако пока все же приходится признать, что датирование акта передачи вещей из Адмиралтейского департамента 1828-м годом не столько разрушает концепцию А.Л. Кепплера, сколько, наоборот, делает ее более стройной, так как в конечном счете аргументация А.Л. Кепплера строится не на абсолютной, а на относительной хронологии событий. Рассмотрим вопрос с этой точки зрения.

В качестве основной посылки к умозаключению о принадлежности трех рапануйских фигурок МАЭ к сборам участников русских кругосветных плаваний первой четверти XIX в. Кепплер безоговорочно принимает тезис, что эти фигурки *были* в «Российском Адмиралтейском Музее» *до* момента (независимо от точной даты) реального перемещения коллекций в Кунсткамеру [Каерплер 2003: 24]. При этом она опять-таки

ссылается на опись 736-й коллекции, которая официально считается происходящей из музея Адмиралтейского департамента. Ее логика такова: «На вещи стоит номер 736, следовательно, эта вещь когда-то была в составе коллекций музея Адмиралтейского департамента». Именно этот вывод оказывается в корне ошибочным. Ложной является первая посылка, заключающаяся в утверждении, что коллекции МАЭ, зарегистрированные в конце XIX — начале XX в., в точности соответствуют поступлениям конца XVIII—XIX вв. Мы говорим о том, что по линии разделения коллекций музея Адмиралтейского департамента и Кунсткамеры абсолютно все ранние коллекции, в том числе и 736-я, являются в той или иной мере смешанными. Это очень старая проблема, над решением которой трудится не одно поколение сотрудников музея.

Среди вещей 736-й коллекции находятся вещи, поступившие по другим каналам и не имеющие отношения к первым русским кругосветным плаваниям. По крайней мере, в так называемых исправленных описях и литературе второй половины XX в. зафиксировано несколько случаев переоценки атрибуции вещей из 736-й коллекции. Это явление связано с несовершенством старых каталогов и нарушением границ (возможно, неоднократно) мест хранения в XIX в. Неудивительно, что при первой научной регистрации по копенгагенской системе в опись коллекции № 736 были включены помимо вещей, действительно переданных из бывшего музея Адмиралтейского департамента, также многие предметы из поступлений конца XVIII — начала XIX в., уже находившиеся к тому времени в Кунсткамере. Косвенным признаком такого смешения служит сам факт «исчезновения» большинства поступлений того времени, известных по старым архивным документам.

С этой точки зрения, решение проблемы атрибуции трех рапануйских фигурок лежит буквально на поверхности, представляя собой, пожалуй, самый простой случай. Достаточно сравнить опись 1903 г. с «Ведомостью редкостям». В опись 736-й коллекции включено семь деревянных антропоморфных изображений — три предмета из Новой Зеландии (736-118, 736-119, 736-120), три предмета с о-ва Пасхи (736-203, 736-204, 736-205) и один предмет с острова Таити (736-226). В «Ведомости редкостям» упоминаются только четыре скульптурных изображения: «идолов разной фигуры три» из Новой Зеландии и «идол из Морая Отаити один», что соответствует трем новозеландским предметам (736-118, 119, 120) и одному таитянскому (736-226). Три фигурки с о-ва Пасхи оказываются «лишними». Следовательно, они никогда не входили в состав музея Адмиралтейского департамента.

Версию, что эти вещи могли быть той частью предметов из русских кругосветных плаваний, которая поступила непосредственно в Кунсткамеру, можно также отвести. В единственном случае такого дарения мы вновь встречаемся с именем Ю.Ф. Лисянского, который в конце 1806 г. преподнес в дар Императорской академии наук довольно крупную коллекцию этнографических предметов из Океании и Русской Америки. В сопроводительном списке Ю.Ф. Лисянского, скопированном на

104-м листе «Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.», указывается только один, «Сандвичевский идол» [МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. Папка 1, л. 104]. Этот предмет был идентифицирован по упомянутому списку еще в середине XIX в. и во времена В.В. Радлова зарегистрирован в составе океанийской части коллекции Ю.Ф. Лисянского под номером 750-1. Таким образом, содержание реестров в архивах морского ведомства и Академии наук полностью исключает возможность приобретения трех рапануйских фигурок русскими моряками в 1804 г. На этом мы можем закрыть тему, связанную с именем Ю.Ф. Лисянского, добавив, что в известной степени часть вины за некоторые ошибочные предположения с А.Л. Кепплер должны разделить сотрудники МАЭ, поскольку более или менее серьезная работа по изучению документов в различных архивах началась совсем недавно.

Все же наиболее слабое место концепции А.Л. Кепплер заключается в том, что, увлекшись критикой концепции Дэвида Аттенборо в той ее части, где речь идет о фигурке, приобретенной им на аукционе Кристи, она закрывает глаза на очевидное сходство двух «рисунков Робартса» с предметами из МАЭ. В частности, она, кажется, упустила из виду, что отнесение этих рисунков к более позднему периоду жизни Исаака Смита не избавляет нас от обязанности объяснить их несомненное сходство с вещами из Кунсткамеры.

В этом плане современные знания о традиционной рапануйской культуре не оставляют исследователям никакого выбора: культовые фигурки здесь никогда не повторяются в деталях. Поэтому даже теоретически невозможно предположить появление на «рисунках Робартса» каких-то других предметов, кроме фигурок № 736-204 и № 736-205. Вероятность случайного совпадения стремится к нулю, даже если иметь дело с одним единственным изображением, а у нас два таких изображения, причем на одном листе бумаги и к тому же в альбоме, принадлежавшем участнику второго путешествия Кука. Отсюда возникает убийственный для концепции Кепплер вопрос: если обе эти вещи были приобретены в 1804 г. Ю.Ф. Лисянским, каким образом их изображения могли оказаться в альбоме Исаака Смита? Однажды Д. Аттенборо уже задавал подобный вопрос, но, как и во многих других подобных случаях, не был услышан своим главным оппонентом [Attenborough 1990: 43].

Вернемся к собственной версии Д. Аттенборо. Как можно было заметить, приписывая «авторство» рапануйских фигурок Ф.Ф. Беллинсгаузену, он делает примерно ту же самую ошибку, что и А. Кепплер, т.е. не принимает во внимание смешанное происхождение коллекции № 736. Однако в главном его позиция прямо противоположна позиции Кепплер, поскольку основана на признании *факта* идентичности двух фигурок из МАЭ вещам, изображенным на рисунках в альбоме Исаака Смита. В дальнейшем будет показано, что благодаря этому неоднородность коллекции № 736 в конечном счете не противоречит его гипотезе о куковском происхождении фигурок № 736-204 и № 736-205 (а вместе с ними и фигурки *кавакава* № 736-203!).

Наша задача сводится к поиску фактов, отметивших вехи возможного пути трех рапануйских фигурок в Санкт-Петербург в пределах временного диапазона последней четверти XVIII — первой четверти XIX в.

В книге Ф.К. Руссова в списке этнографических поступлений с 1802 по 1833 гг. при перечислении предметов предположительно океанийского происхождения, приобретенных в этот период, дважды упоминается имя «Herr Waxel aus London» [Russow 1900: 20–21]:

«1802. Die erste Acquisition des 19 Jahrhunderts war ein neuseeländisch Götze, welcher von Hrn.Waxel aus London eingesandt wurde...

1809 von Herrn Waxel drei Götzen, eine Waffe und Rindenzeugproben von verschiedenen Südsee-Inseln».

В «Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.» этому соответствует следующая запись:

«*Mr de Waxell envoyá pour le Musée... 9) 3 Idoles des Iles de Falkland, Otahaiti et Sandwich, 10) un Patou.Patou des mêmes Iles, 11) quelques echantillons d'etoffe du Murus papyrifera des mêmes Iles*» [МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. Папка 1, л. 45].

Сравним данную запись с протоколом № 31 (§ 368) от 11 октября 1809 г.:

«...*Mr de Waxell envoya pour le Musée àcademique le objets suivans qu'il a apportés avec lui de Londres: ... 9°)Trois idoles des îles de Falkland, Otahaité & Sandwich, 10°) Un Patoupatou des des mêmes îles; 11°) quelques echantillons d'etoffe du Murus papyrifera des mêmes îles. Tous ces objets seront envoyé a Musée*» [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 20. Л. 99].

Если держать в уме гипотезу Дэвида Аттенборо, «три идола с различных островов Южных морей» («dreï Götzen... von verschiedenen Südsee-Inseln») вполне подходят на роль рапануйских фигурок, некогда вывезенных спутниками капитана Кука. С другой стороны, методом исключения (см. выше перечисление деревянной скульптуры в описи коллекции № 736 и в «Ведомости редкостям») три предмета с о-ва Пасхи, которые в настоящее время числятся в составе 736-й коллекции, с очень большой степенью вероятности можно идентифицировать с указанной строкой в списке Руссова. То, что в письме, автором которого является «герр Ваксель из Лондона», вместо «Easter Island» упомянуты совсем другие географических названия, включая Фолклендские о-ва, само по себе не может опровергнуть эту гипотезу. Путаница с географическими названиями — довольно частое явление для предметов куковского происхождения.

Рассматривая различные версии, вполне можно согласиться с тем, что лист с рисунками рапануйских фигурок был вложен в альбом Исаака Смита задним числом. Но это еще не означает, что эти рисунки вообще не имеют никакого отношения к путешествиям Кука. Напротив, версия,

согласно которой следы этих рисунков ведут не в Россию, а именно в Англию, является наиболее вероятной. Более того, мы попробуем принять точку зрения, что первоначально эти рисунки были сделаны на борту корабля Кука прежде, чем достигнуть берегов Англии. Как оказывается, именно с помощью этой версии факты складываются более удачным образом.

По воспоминаниям Джона Элиотта, служившего мидшипмэном на «Резолюшн», во время второго путешествия капитаном Куком была организована своего рода «школа рисования». «Я, м-р Робартс и м-р Смит (племянник Кука — П.Б.), — писал Элиотт, — в свободные от вахты часы были заняты в каюте капитана Кука копированием рисунков для него или для себя под присмотром м-ра Ходжеса» [Цит. по: Jorpien, Smith 1985: 5]. На этом фоне, пожалуй, проще всего предположить, что рисунки рапануйских фигурок на 35-м листе в альбоме адмирала Смита принадлежат не кому иному, как самому Смиту и относятся именно к этому *самому раннему* периоду его морской карьеры.

Датировать «рисунки Робартса» (или Смита?) 1774 годом позволяют и некоторые другие косвенные данные. На 36-м листе альбома Смита тем же автором довольно схематично изображены различные орудия, по всей видимости, происходящие с островов Тонга и о-ва Танна (Новые Гебриды) [Jorpien, Smith 1985: 263]. Самое любопытное заключается в том, что состав предметов, в основном палиц, стрел и луков, совпадает со словесными описаниями и зарисовками в журнале Иоганна Рейнгольда Форстера [Ibid: 220, 233], что позволяет синхронизировать рисунки Робартса-Смита со временем второго путешествия Кука. Наконец на листе 35 вместе с рапануйскими фигурками изображена палица *паоа*, тот вид традиционного оружия, который наряду с резными фигурками описывается в книге Георга Форстера. На это указывает в своей статье Д. Аттенборо, сравнивая рисунок с палицей в Royal Albert Memorial Museum в Эксетере [Attenborough 1990: 44–45]. Поскольку пропорции изображения в альбоме нарушены, Д. Аттенборо сомневается, что на листе № 35 изображена именно палица из Эксетера [Ibid: 43]. Но относительные пропорции «фигурки с гребнем» и фигурки *тангата ману* также довольно сильно искажены. К тому же, как отмечает Д. Аттенборо, рисунки выполнены «неумелой рукой» [Ibid: 42]. Можно даже добавить: палица *паоа* на рисунке *неестественно* короткая. Поэтому нам ничто не мешает идентифицировать рисунок палицы в альбоме с реальным предметом из Эксетера, принадлежность которого к собраниям Музея Левера строго документирована [Kaeppler 1978: 169]. Здесь следует особо подчеркнуть, что предлагаемая нами идентификация рисунка палицы *паоа*, по существу, одновременно является способом датировки рисунков двух фигурок, изображенных на том же листе бумаги.

Таким образом, практически все предметы, изображенные на 35-м и 36-м листах в альбоме адмирала Исаака Смита, так или иначе связаны с именами И.Р. Форстера и Г. Форстера и в силу этой связи скорее всего относятся ко времени второго путешествия Кука.

Научная биография Л.С. Вакселя и «лондонская» версия происхождения рапануйских фигурок из МАЭ

Ключом к разгадке появления в стенах Петровской Кунсткамеры трех фигурок с острова Пасхи становятся имя и биография Л.С. Вакселя.

На первый взгляд, адрес отправителя и написание имени указывают на его иностранное происхождение. В протоколах Конференции он именуется *Herr Waxel aus London, Mr de Wexell à Londres*, что, конечно, наводит на мысль об английском подданстве. Свое полное — и настоящее — имя «господин Ваксель из Лондона» обрел только в 1953 г. с выходом в свет книги Т.В. Станюкович «Кунсткамера Петербургской академии наук». На основе разысканий в Архиве РАН были восстановлены некоторые биографические данные этого незаурядного человека. Им оказался Лев Савельевич Ваксель (ум. в 1816 г.), полковник корпуса инженеров путей сообщения, корреспондент Императорской академии, внесший огромный вклад в пополнение коллекций и библиотеки Академии [Станюкович 1953: 169, 230]. Правда, на страницах цитируемой книги Лев Ваксель, кажется, еще не утратил полностью свое мнимое английское происхождение. Поэтому Т.В. Станюкович вынуждена была искать обтекаемые формулировки вроде «проживавший в Лондоне Лев Ваксель несколькими годами позже своего избрания корреспондентом Академии переехал в Россию» [Там же: 169].

Но цели настоящего исследования требуют более подробного — по годам, месяцам, дням — и более точного, с точки зрения последовательности и интерпретации фактов, изучения биографии этого почти забытого деятеля русской науки. Этот пробел начинает восполняться. В первую очередь, следует упомянуть фундаментальное исследование И.В. Тункиной, в котором значительное внимание уделено вкладу Л.С. Вакселя в качестве одного из основателей науки об античных древностях на территории России конца XVIII в. [Тункина 2002].

Начнем с краткой генеалогической справки. Лев (Леон) Савельевич Ваксель, подданный Российской империи в третьем поколении. Основателем рода Вакселей в России был выходец из Швеции Свен (Ксаверий) Лаврентьевич Ваксель (ум. в 1762 г.), который поступил на службу в Балтийский флот штурманом еще в 1726 г. и был участником Второй Камчатской экспедиции (1733–1742). После смерти Беринга принял командование пакетботом «Святой Петр». Впоследствии дослужился до чина капитана I ранга (1755), командовал различными кораблями в Балтийском море [Русские мореплаватели 1953: 488]. Имя лейтенанта Свена Вакселя дважды запечатлено в географических названиях, на карте Берингова моря и моря Лаптевых [Морская карта рассказывает 1986: 265].

В дворянское достоинство представители второго поколения Вакселей были пожалованы в 1778 г. [Герб: 111; Брокгауз и Ефрон 1891: 389; Русские мореплаватели 1953: 488]. Один из сыновей Свена Вакселя, Лаврентий (Лоренц), в конце жизни «капитан генерал-майорского ранга» (бри-

гадир), еще десятилетним мальчиком был зачислен волонтером в экспедицию Беринга — Чирикова и вместе со своим отцом участвовал в плаваниях [Русские мореплаватели 1953: 488]. Двое других сыновей Свена Вакселя, Василий и Савелий, имели чин подполковника.

Савелий Ваксель, видимо, и является отцом Льва Вакселя, судя по отчеству последнего [Герб: 111]. Место и год рождения Льва Вакселя неизвестны, но, по сведениям, полученным от его праправнука, П.Л. Вакселя, в момент смерти Льву Савельевичу Вакселю было около сорока лет [Венгеров 1895: 29]. Умер Л.С. Ваксель в Твери 6 сентября 1816 г. [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 27. Л. 74], поэтому условной датой его рождения принято считать 1776 г.

Л.С. Ваксель является автором нескольких сочинений и переводов, изданных в Санкт-Петербурге и Лондоне. Список его трудов весьма поучителен с точки зрения широты интересов, охватывающих инженерное дело, естественные науки и античную историю:

1. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской Империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 гг., с приложением географической карты тех мест, где оны памятники обретенны с древними наименованиями. СПб., 1801 (как отмечается в справочной литературе, переводы на французский и немецкий язык полнее русского издания [Русский биографический словарь 2000: 26])*;
2. Описание чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей в Англии в 1802 г., изобретенной для удобнейшего и легчайшего перевоза разных грузов и тяжестей лошадьми. СПб., 1805;
3. *Memoirs sur les lapis meteoris, ou pierres tombées des nues dans differents pays de notre globe, trad. de l'anglais.* St.Pet., 1805;
4. *Essai sur les médailles plaquées des anciens.* Londres, 1809.

Книги Л.С. Вакселя не только позволяют судить о нем как о человеке глубоко и разносторонне образованном, но и косвенным образом помогают выявить или уточнить некоторые факты его биографии, важные для нас с точки зрения истории поступлений МАЭ.

По сведениям С.А. Венгерова, автора «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», в Англию в 1801 г. Л.С. Ваксель был послан именно с целью изучения путей сообщения [Венгеров 1895: 29]. Из «Описания чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей...» мы узнаем, чем он занимался в Англии, а именно: наблюдением за строительством каналов и подъездных путей при строительстве доков. Доказывая преимущества чугунных дорог перед каналами, он писал: «Ныне строящийся Лондонский док, который превзойдет своим великолепием, пышностью и кра-

* Подробно см.: [Тункина 2002: 54].

состою недавно довершенный Вест-Индский док, испытал величайшую выгоду от учреждения сих дорог для удобнейшего производства дорог» [Ваксель 1805: 18]. В то же время из протокола Конференции Академии наук от 22 ноября 1801 г. видно, что отъезд Вакселя в Англию по Высочайшему повелению последовал вскоре после его возвращения из Тавриды [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 12. Л. 103]. Объединение этих фактов позволяет думать, что он имел непосредственное отношение к строительству морских портов на Черном море, в частности в Николаеве.

Существуют и некоторые другие косвенные свидетельства его причастности к укреплению южных рубежей России. В «Изображениях разных памятников...» при упоминании о находках перечисляются города по всему северному побережью Черного моря (Николаев, Херсонес, Керчь, Пантикапей, Тамань, Судак, Кафа, или Феодосия, Новороссийск) и прилагается карта: от устья Днестра и Одессы до побережья Крыма и Азовского моря и вплоть до устья Кубани. Это свидетельствует о том, что в 1797 и 1798 гг. он путешествовал по всему черноморскому побережью [Русский биографический словарь 1912: 211].

Цель этой поездки можно связать с посвящением его книги об античных медалях: «Его Превосходительству Генералу Сухтелену». Как известно, инженер-генерал (генерал-майор) Петр Корнилович Сухтелен в 1787 г. исполнял обязанности начальника инженерной части Финляндского департамента, позже был назначен членом департамента водяных коммуникаций, а вслед за тем по Высочайшему повелению был командирован осматривать все крепости от Херсона (sic!) до Риги и Ревеля [Там же]. Можно предположить, что Л.С. Ваксель сопровождал П.К. Сухтелена в этой инспекционной поездке или каким-то другим образом сносился с ним по служебным делам в качестве подчиненного. Во всяком случае, время и маршруты их поездок по югу России совпадают.

Выполнение профессиональных обязанностей Ваксель постоянно и неустанно сочетал с естественно-научными наблюдениями. В письме от 2 января 1805 г., прочитанном на заседании Конференции 6 марта 1805 г., он сообщает о находке «странных костей» при выполнении водяных работ (*ouvrages hydrolique*) в Лондонском доке, куда он был «прикомандирован по долгу службы» [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 16. Л. 33].

В протоколах Императорской Академии наук имя Леона (Льва) Вакселя впервые появляется в 1801 г. На упоминавшемся выше заседании 22 ноября 1801 г. по приезде из Тавриды Л.С. Ваксель был рекомендован адъюнктом А.Ф. Севастьяновым Конференции Академии наук как лицо, командированное в Англию по Высочайшему повелению и как человек, наделенный «вкусом и способностями» к естественной истории и особенно в области энтомологии, а также в виду того, что он был накануне своего отъезда в Англию по повелению «Его Императорского Величества». В связи с последним обстоятельством Ваксель и предлагал свои услуги Академии. Его просьба была удовлетворена. Не последнюю роль сыграло и то, что Л.С. Ваксель через А.Ф. Севастьянова преподнес «академическому Музею» превосходную коллекцию из 110 яиц птиц различных

видов в ящиках со стеклами и каталог, составленный по системе Линнея; как гласит протокол, эта коллекция была собрана лично Л.С. Вакселем во время путешествия из Тавриды в Санкт-Петербург [Там же. № 12. Л. 103].

По предложению Президента Академии наук, имя Л.С. Вакселя было внесено в список *Correspondants titrés* с поручением Секретарю послать ему *le Diplome* [Там же. Л. 103]. Тогда же сделана запись о передаче в библиотеку экземпляра книги «Изображения разных памятников...» [Там же. Л. 103]. В дальнейшем он именуется *Correspondant de l'Academie* или *Correspondant assidu de l'Academie* [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 12. Л. 113], а 29 февраля 1804 г. ему был назначен от Академии наук пенсион в 200 руб. [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 15. Л. 83; № 27. Л. 74]. Отныне он получает право именоваться *le Correspondant pensionné*, или *Correspondant & Pensionnaire de l'Academie* [Там же. № 16. Л. 99, 111; № 20. Л. 121; № 27. Л. 74]. В качестве примечания следует подчеркнуть, что Л.С. Ваксель не был «членом-корреспондентом» Академии наук в современном понимании этого слова. По существовавшему тогда положению, «академические корреспонденты» стояли за рамками академической иерархии — «адыюнкты», «экстраординарный академик», «ординарный академик» — и даже не имели официального права присутствовать на заседаниях Конференции Академии.

Так надворный, затем коллежский советник (по протоколам: *le Conseiller de la Cour, le Conseiller du College*) Лев Савельевич Ваксель, проживая на протяжении ряда лет в Лондоне (до возвращения в Россию в 1809 г.), стал одним из самых активных, деятельных собирателей музейных экспонатов и книг. Он внес значительный вклад в создание коллекций «музея Академии», регулярно присылая различные предметы (главным образом зоологические), а также книги для академической библиотеки, в том числе собственного сочинения, изданные как в Лондоне, так и в Санкт-Петербурге. В 1809 г. он преподнес Академии свой труд «*Essai sur les medailles plaquées des Anciens*» (Лондон, 1809) [Там же. № 20. Л. 121]. Вернувшись из Англии, он переезжает в Тверь, продолжая свою академическую деятельность по сбору коллекций [Там же. № 23. Л. 31, 75; № 24. Л. 79]. Видимо, с 1812 г. он переходит из классного в военный чин и получает очередной чин полковника. Теперь в протоколах Академии его именуют *le Colonel* или *le Colonel des Ingenieurs, le Colonel des Ingenieurs de Voyes de Communication* [Там же. Л. 31, 75; № 24. Л. 79; № 27. Л. 74].

Специально отметим, что Лев Ваксель был также почетным членом Адмиралтейского департамента. От его имени через члена Департамента, действительного статского советника Александра Федоровича Лобзина в музей Адмиралтейского департамента в 1805–1806 гг. поступило несколько крупных коллекций, нумизматических, естественно-научных, в том числе, выражаясь современным языком, палеонтологических. Число и объем поступлений от его имени во время пребывания в Санкт-Петербурге с июня 1805 г. по февраль 1806 г. производит очень сильное впечат-

ление (только музеуму Адмиралтейского департамента он подарил в общей сложности около трех тысяч экспонатов). Не в меньшей мере в личности Л.С. Вакселя привлекает сочетание разносторонних научных интересов со стремлением к совершенствованию знаний в каждой из избранных областей. В известном смысле все его коллекции, сопровождаемые подробными систематическими каталогами, скорее представляют собой особую форму монографических исследований. При представлении своей коллекции окаменелостей в письме правителю канцелярии Адмиралтейского департамента А.С. Никольскому он говорит о ней как о «признанной всеми прекраснейшей и превосходнейшей в своем роде»: «она состоит почти из тысячи кусков, расположенных классически в пяти столах, и включает множество весьма редких и несколько совершенно еще неизвестных и не описанных предметов» [РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 528. Л. 3 об.]. Ниже приводится список всех естественно-научных коллекций Л.С. Вакселя, переданных музеуму Адмиралтейского департамента в порядке издания соответствующих указов (даты приводятся по «Генеральной описи» Музеума):

23 июня 1805 г. 400 медалей, «серебряных и медных», с изображениями «Римских императоров, Кесарей, Тиранов и императриц» (по «Генеральной описи» музеума — 373 предмета) [Там же. Д. 523. Л. 1–2; Д. 1201. Л. 2–5, 11–14].

24 июня 1805 г. «Кость слоновой головы, найденной в окрестностях Петербурга» [Там же. Д. 523. Л. 16; Д. 1201. Л. 6; Ф. 578. Оп. 1, Д. 184. Л. 9].

9 августа 1805 г. 500 образцов минералов [Там же. Д. 523. Л. 17; Ф. 215. Оп. 1. Д. 1201. Л. 7].

10 августа 1805 г. «Собрание из 52-х «мадрепоров и раковин» [Там же. Д. 523. Л. 18; Ф. 578. Оп. 1. Д. 184. Л. 9].

21 февраля 1806 г. «Собрание окаменелостей в пяти столах», состоящее «почти из тысячи кусков <...> множество весьма редких и несколько совершенно еще не описанных предметов» [Там же. Д. 521. Л. 19; Д. 528. Л. 3 об.; Ф. 578. Оп. 1. Д. 184. Л. 19].

21 февраля 1806 г. 252 образца различных пород дерева («коллекция полированных образцов разных деревьев из обеих Индий и Европы числом до двухсот пятидесяти двух кусков. Коллекция сия собрана была с великим тщанием; трудом и в продолжении долгого времени известным господином Штелином...») [Там же. Д. 528. Л. 18; Д. 1201. Л. 9]. (Возможно, речь идет о Якове Яковлевиче Штелине, профессоре элоквенции и поэзии (1709–1785.) См.: [Станюкович 1953: 239]. Тем более что данная коллекция имела специфическую, «книжную» форму. В «Генеральной описи» Музеума говорится: «Книга обложена штучным деревом с образцами разных деревьев» [Там же. Д. 1203. Л. 8 об.].)

Указание настоящего владельца одной из коллекций наводит на мысль о давней традиции коллекционирования в роду Вакселей. По-видимому, коллекции собирались и передавались на протяжении не одного поколения. Фундаментальность некоторых других поступлений от Л.С. Вакселя косвенным образом подтверждает это предположение. В феврале 1806 г. перед отъездом в Англию он преподнес в дар Адмиралтейскому департаменту библиотеку, насчитывающую около 700 книг (с каталогом), «заключающую единственно классические сочинения на французском, аглинском и российском языках; в числе сих книг находятся иные весьма редкие» [РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 528. Л. 3]. Помимо прочего это книжное собрание хорошо иллюстрирует источник его высочайшей компетентности в области античной истории, выразившейся в написании двух книг и создании превосходной нумизматической коллекции (см. выше).

Немалое место в научной деятельности Л.С. Вакселя занимал сбор исторических фактов из жизни Петра Великого. По указу от 16 февраля 1805 г. от его имени в музей Адмиралтейского департамента поступило целое собрание ценных рукописей, среди которых было 20 подлинных писем Петра, 20 писем царевича Алексея и семь докладов на имя Петра Великого с его личными автографами («резолуциями»), датированных 1711 г. [Там же. Л. 15; Д. 1201. Л. 8]. Несомненно, эта коллекция рукописей была плодом многолетнего и вполне серьезного увлечения историей Петра I.

Свои изыскания в этой области он продолжил и в Англии. Как явствует из протокола Конференции Академии наук от 7 ноября 1807 г., Л.С. Ваксель сделал для Академии приобретение, которое, по его словам, «интересно всякому русскому, имеющему в своем сердце патриотические чувства». Речь идет о вывеске над трактиром, который царь Петр часто посещал во время своего пребывания в Лондоне в 1698 г. Не имея оригинала письма Л.С. Вакселя, воспользуемся пересказом его сведений о лондонском периоде жизни Петра I в упомянутом выше протоколе: «Он ходил каждый день работать на верфи Ваппинга и Ротерхита в трех или четырех английских милях от своего жилища в Темплъ Бар. На полдороге он обычно останавливался в кабачке, чтобы выпить здесь пива и выкурить трубку, а заодно узнать характер плотников, каменщиков, матросов и других рабочих, для которых этот кабачок служил местом встреч. По дороге с верфи он заходил сюда снова. Хозяин воспользовался предпочтением, которое Петр I оказывал его заведению и для того, чтобы привлечь своих посетителей, сделал вывеской портрет Императора и назвал свой [питейный] дом On Tzar's Head. Эта вывеска, изображающая Петра I во цвете лет, сохранилась поныне, и г. Вакселя удалось ее приобрести, предложив в обмен новую вывеску, копию старой, а старую отправил в Академию для помещения в Кабинете Петра Великого со следующей подписью: «Вывеска питейного дома в Лондоне в Улице Тове́ра (Tower Street), в котором блаженной памяти Государь Император Петр Великий заходил отдыхать, идучи на работу на верфь Ваппинга и Ротергита в бытность

Его в Англии. Сия вывеска писана в то самое время и доставлена Имераторской Академии Наук из Лондона Надворным Советником Л. Вакселем в 1805^м году» [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 15. Л. 139–140]. На наш взгляд, ранее упомянутый факт передачи в музей собрания рукописей петровского времени противоречит мнению о дилетантском характере этой покупки (см.: [Станюкович 1953:169]).

Отдельные дары Л.С. Вакселя выпадают из общего ряда. В 1809 г. Л.С. Ваксель прислал из Лондона «кожаный мешок, изобретенный в Англии для спасения людей при разбитии судна» [РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1203. Л. 104 об.]. Как записано в «Генеральной описи» Музеума, «нового изобретения в Англии и очень удобный для спасения; оный наполняется через кран воздухом» [Там же]. Возможно, посылка именно этого новейшего по тем временам изобретения обусловлена не столько его профессиональным долгом военного инженера, сколько его чисто человеческими качествами.

Как можно было понять из некоторых фактов, приведенных выше, Л.С. Ваксель проявлял не меньшее усердие в пополнении естественно-научных коллекций Академии наук. На заседании Конференции от 18 августа 1802 г. (протокол № 42, 227) было зачитано письмо «г. Вакселя из Лондона», датированное 1 июля 1802 г. В этом письме он сообщает об отправке кенгуру в качестве экспоната для «Академического музея», причем он дает довольно подробные сведения об этом «четвероногом», в том числе этнографического характера. Так, Л.С. Ваксель упоминает местное название этого животного, употребляемое аборигенами, жившими в окрестностях залива Ботани Бэй (Австралия. — П.Б.) — «патагаранг» («patagarang») [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Л. 68]. На заседании 18 августа 1802 г. был представлен и сам экспонат — *Didelphis Gigantea (Koungourou)* [Там же. Л. 69]. В 1805 г. Л.С. Ваксель послал в Музей фрагмент грудной кости китообразного (см. протокол № 8, § 103) [Там же. № 16. Л. 38].

Самые значительные приобретения зоологических экспонатов для Академии относятся к 1806–1807 гг. в связи с распродажей в 1806 г. музея Эштона Левера в Лондоне. На заседании 19 ноября 1806 г. было зачитано письмо Вакселя, датированное 22 октября 1806 г. Из протокола заседания (№ 40, § 455) [Там же. № 17. Л. 123–124] явствует, что по возвращении в Лондон после краткого пребывания в России болезнь задержала Вакселя в Дании (Эльсинаре). Как он пишет, данное обстоятельство не позволило ему прибыть в Лондон вовремя к моменту распродажи Музея сэра Эштона Левера (Ashton Lever) [Там же. № 17. Л. 123–124]. Вакселю все же удалось приобрести несколько зоологических экспонатов, кроме того, он предложил Академии продолжить закупку экспонатов из собраний этого музея. На заседании 14 января 1807 г. (№ 2, § 13) было зачитано другое письмо, посланное из Лондона 16 ноября 1806 г. В этом письме Ваксель предвещает, что будущей весной собирается послать в Санкт-Петербург зоологические экспонаты, «presque les plus belles choses du Cabinet de Lever» [Там же. № 18.

Л. 3–4]. Он также сообщает, что занят составлением каталога, который выйдет с первым же курьером [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Л. 3–4]. По-видимому, этот каталог можно отождествить с хранящимся в архиве РАН списком, составленным Вакселем в декабре 1806 г. («*List des objets d'histoire naturelle achetés pour le Musée de l'academie Imperial des Sciences de St.Petersbourg*»). Список насчитывает несколько десятков зоологических объектов, некоторые из них отмечены как относящиеся к путешествиям капитана Кука (см. ниже) [Там же. Оп. 2-1807, § 64. Л. 1–2].

На заседании 28 января 1807 г. (протокол № 4, § 14) было принято содержимое ящика с вещами, о посылке которых Ваксель сообщал в письме от 22 октября 1806 г. и которые прибыли в Санкт-Петербург через Ревель. В ящике находилось несколько зоологических экспонатов, «каменный топор, который древние обитатели Борнхольма использовали при жертвоприношениях», и различные книги для библиотеки Академии [Там же. Оп. 1а. № 18. Л. 1; Там же. № 17. Л. 123–124]. В этой партии было лишь несколько зоологических экспонатов из списка, который упоминался нами выше. Основная часть вещей прибыла в трех больших ящиках позже. Экспонаты, отправленные ранее, исключены из списка либо самим Вакселем, либо Севастьяновым при приеме вещей на таможне в Санкт-Петербурге [Там же. Оп. 2-1807, § 64. Л. 1–2].

В 1809 г. Л.С. Ваксель окончательно возвращается в Россию и переезжает для продолжения службы в Тверь [Там же. Оп. 1а. № 20. Л. 94, 98]. На заседании 11 октября 1809 г. (протокол № 31, § 367), наряду с книгами, поступившими от имени Королевского Общества в Лондоне, Л.С. Ваксель представил первую часть каталога Музея Лавера (*Catalogue of the Leverian Museum. Part 1*) [Там же. Л. 98]. Как явствует из текста протокола, каталог был передан в библиотеку Императорской академии наук (в настоящее время, по-видимому, не сохранился. — П.Б.).

К сожалению, пока для нас биография Л.С. Вакселя, несмотря на массу подробностей из его научной деятельности, так и остается почти сплошным белым пятном. Пока нам известен только каркас его биографии, состоящий из дат рождения, смерти (1776–1816) и сведений о его книгах или коллекциях, почерпнутых в двух архивах: ПФА РАН и РГА ВМФ. В этом узком аспекте вся его сознательная жизнь делится на три периода (с двумя кратковременными пребываниями в Санкт-Петербурге): «таврический» (1797–1801), «лондонский» (1801–1809) и «тверской» (1809–1816). В будущем можно надеяться узнать нечто большее в других архивах России и Англии. Это важно не только потому, что раскрытие подробностей биографии Л.С. Вакселя поможет реконструировать его коллекции. В целом его деятельность на поприще науки является яркой страницей истории Академии того времени. Размах его научных интересов истинно энциклопедичен: инженерное дело, энтомология, зоология, орнитология, палеонтология, археология, нумизматика, античность, русская история и этнография. Его заслуги были признаны не только в России. Об этом говорят переводы его книг на несколько европейских языков

и членство в нескольких научных обществах, о чем он сам однажды упоминает при представлении на титуле книги «Essai sur les médailles plaquées des anciens».

**«Un idole en bois, des habitants de la Nouvelle-Zealand»...
«un idol d’Otahiti»... «trois idoles des Îles de Falkland,
Otahaité & Sandwich»**

В данный момент нас, конечно, более всего интересует лондонский период жизни Л.С. Вакселя и прежде всего сведения о приобретениях этнографических предметов. От того, насколько подробно нам удастся восстановить связанные с этим события, зависит встречная атрибуция, с одной стороны, предметов, упоминаемых в протоках Академии (рядом с именем Вакселя), с другой — предметов, хранящихся в настоящее время в МАЭ. Первое, на что здесь следует обратить внимание: имена Джеймса Кука и Эштона Левера, образно говоря, освящают этнографические экспонаты, фактически переданные Л.С. Вакселем Академии наук или хотя бы упоминаемые в его письмах.

В этом пункте мы подходим к сюжету, ради которого, собственно говоря, и было предпринято наше исследование. Напомним еще раз, что, согласно протоколу № 31 (§ 368) от 11 октября 1809 г., Лев Ваксель передал (*envoyé*) для «академического Музея» предметы, которые он привез (*a apporté*) с собой из Лондона: трех идолов, оружие *patunatu* и образцы тапы «с островов Фалкленд, Отахаити и Сандвич» [Там же. Л. 99]. Проследить судьбу *patunatu* (чем бы этот предмет ни оказался на самом деле) и образцов тапы в настоящий момент не представляется возможным. Однако «трех идолов» из этого поступления (см. выше также список Руссова) можно вполне уверенно идентифицировать с «тремя небольшими идолами» с о-ва Пасхи в описи Е.Л. Петри в 1903 г. (предметы №№ 736-203, 736-204, 736-205), чтобы затем на основании вышеизложенного провести красную линию, соединяющую эти предметы с коллекциями Музея Левера в Лондоне, которые в основном состояли из предметов, ввезенных в Европу из путешествий капитана Дж. Кука. Попутно скажем, что упоминание Фолклендских островов наряду с полинезийскими географическими названиями в отношении предметов, подаренных Л.С. Вакселем, является своего рода маркером связи этих вещей с путешествиями капитана Кука. В упоминавшемся нами каталоге Л.С. Вакселя, датированном декабрем 1806 г., внизу 2-й страницы мы находим пункт с характерной пометкой [Там же. Оп. 2-1807, § 64. Л. 1]:

Pinguinaria patachonica, des isles Falkland.

NB: C’est l’exemplaire le plus grand et le
Plus beau qui existe connu; apporté par le
Capitain Cook

Таким образом, вопреки авторитетному мнению А. Кепплер, три Санкт-Петербургские фигурки довольно надежно документируются как поступление «до 1826 г.». Первоначально покинув о-в Пасхи вместе с экспедицией Кука в 1774 г., эти три предмета достигли Санкт-Петербурга только в 1809 г. в багаже российского подданного, надворного советника, корреспондента Императорской академии наук Льва Савельевича Вакселя. При этом сам факт единства места и времени приобретения этих вещей — Лондон 1806–1809 гг., а также огромный интерес, который Л.С. Ваксель проявлял к распродаже музея Левера (именно с ним связано большое число его приобретений в Лондоне), свидетельствуют о том, что Санкт-Петербургские фигурки могли принадлежать к собраниям этого музея.

К сожалению, прямых доказательств принадлежности этих вещей Музею Левера в документах Академии наук пока не найдено. Впрочем, даже в том случае, если принадлежность этих предметов Музею Левера не удастся документировать каким-либо окончательным образом, их принадлежность к куковским коллекциям кажется почти несомненной. В Лондоне начала XIX в. могли находиться только те вещи с о-ва Пасхи, которые относятся ко времени второго путешествия капитана Кука. После английской экспедиции на острове высаживалась французская экспедиция под командой капитана Лаперуза. Далее в этот период до 1809 г. к острову Пасхи, насколько нам известно, кроме «Невы» капитана Лисянского в 1804 г. подходили только три корабля. В 1805 г. капитан американской шхуны «Нанси» захватил 12 мужчин и 10 женщин для основания колонии для ловли морских котиков на необитаемом острове Мас-а-Фуэро. По словам капитана Александра Адамса (который и рассказал эту историю О.Е. Коцебу, не назвав имени капитана шхуны), его собственный корабль бросил якорь около о-ва Пасхи в 1806 г., но высадиться на берег его команде не удалось из-за крайней враждебности жителей; то же самое произошло, когда к острову подошел корабль «Альбатрос» капитана Виндшипа [Коцебу 1821: 55].

Чтобы до конца быть последовательными при разработке «лондонской» версии происхождения рапануйских фигурок из МАЭ, мы вынуждены упомянуть еще один факт, который не совсем укладывается в нашу схему. Согласно записи в «*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*» (см. выше), в 1802 г. из Лондона от имени Л.С. Вакселя был послан предмет, именуемый «*ein neuseeländisch Götze*». Не принимая во внимание данные Вакселя по поводу географической привязки трех фигурок из поступления 1809 г., когда среди географических названий мы находим даже Фолкленды, точно такое же допущение мы обязаны сделать и в плане места происхождения «новозеландского идола». В последнем случае нам придется говорить вкуче обо *всех четырех* фигурках Вакселя из списка Ф.К. Руссова. Поскольку одна из фигурок отсутствует (с 1903 г., по крайней мере) и мы не знаем, какая именно, граница между дарениями Л.С. Вакселя 1802 и 1809 гг. для нас формально пока не существует. Мы должны учитывать возможность, что одна из трех рапануйских фигурок является «новозеландским идиолом» 1802 г.

Поскольку в этом вопросе не существует абсолютной точки отсчета, приходится пользоваться косвенными данными. На заседании 13 июня 1802 г. (протокол № 34, § 34) было зачитано письмо Вакселя, отправленное из Лондона 20 апреля 1802 г. Речь идет о том, что он послал (*envoyé*) несколько предметов для музея Академии, а именно: землеройку из залива Ботани Бэй, иволги из Бенгалии и «деревянного идола жителей Новой Зеландии» [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Л. 56]. Уже на заседании 23 июня 1802 г. (протокол № 37, § 196) академик Н.Я. Озерецковский представил (*presentá*) чучела иволги из Бенгалии и землеройки из залива Ботани Бэй, а также чучела еще трех птиц различных видов. В протоколе указывается даже сумма (8 руб.), которая была уплачена таксидермисту за работу, но нет ни слова о «деревянном идоле жителей Новой Зеландии», который, согласно предупреждению Л.С. Вакселя, был послан из Лондона вместе с этими зоологическими экспонатами.

Сведений о том, что данный предмет действительно поступил в собрания Музея, не удалось найти и в других протоколах за 1802 г. В то же время, если судить по плотности переписки между Л.С. Вакселем и членами Академии, а также скрупулезности, с которой велись протоколы Конференции Академии наук, факт действительного поступления деревянного идола не мог бы пройти незамеченным. На заседаниях Конференции зачитывались и протоколировались даже частные сообщения Л.С. Вакселя, например письма, в которых он выражал Академии благодарность за принятие вещей, отправленных им прежде, или сообщал о смерти иностранных членов Академии (заседание 3 октября 1802 г., протокол № 48, § 291; заседание 1 декабря 1802 г., протокол № 62, § 366) [Там же. Л. 84–85, 107].

Итак, при двойной процедуре фиксации поступления вещей в Академию: сначала — предупреждение, затем — представление («*envoyé* — *presentá*») — формально мы должны признать, что по каким-то причинам деревянный идол из Новой Зеландии так и не дошел до адресата. Также показательно, что в «*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*» сделана выписка только из протокола от 13 июня 1802 г., где говорится лишь о том, что предмет *был послан*. Парадоксально, но версия утраты «новозеландского идола» 1802 г., который, видимо, так и не дошел до Кунсткамеры, позволяет более уверенно идентифицировать три ныне существующих рапануйских фигурки из 736-й коллекции с теми тремя идолами, которые, согласно протоколам, были представлены Академии наук от имени Льва Вакселя в 1809 г.

Правда, не исключено и другое. Проблема разграничения двух дарений Л.С. Вакселя может распространиться на вещи из состава собственно «адмиралтейской коллекции», если эти два дарения, 1802 и 1809 гг., сопоставить с серией предметов из «Ведомости редкостям» под общим наименованием «идолов разной фигуры три» (736-118, 119, 120). О реальности этой проблемы свидетельствуют пометки в «*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*». На стр. 41 по поводу «*1 hölzernes Idol der Neuseeländer*» есть сноска (карандаш, кое-где обведен-

ный чернилами). Текст сноски следующий: «*wohl der Bootschnuck mit erotischen Scenen...*» (далее неразборчиво. — П.Б.) Из этого можно заключить, что автор сноски, а судя по почерку это был Ф.К. Руссов, отождествлял «деревянного идола жителей Новой Зеландии» 1802 г. (дар Льва Вакселя) с номером 736-120, резным «предметом неизвестного назначения» в виде многофигурной («фаллической») композиции, который и в настоящее время трактуется в описях как «украшение лодки».

Почему же Ф.К. Руссов идентифицировал запись 1802 г., в которой фигурирует «*1 hölzernes Idol der Neuseeländer*», именно с предметом № 736-120? Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что в своей работе он не просматривал протоколы Конференции Академии, которые являются первоисточником, а довольствовался «*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*», в котором некоторые выписки по поводу поступавших в Музей предметов не воспроизведены. Поэтому он не мог знать, что подтверждения о получении идола в 1802 г. так и не последовало. Кроме того, по той же причине он не мог знать, что в 1806–1807 гг. Ваксель посылал в Академию еще один предмет: «*une idole d’Otaïti; de la propre collection du fameux capitain Cook*» [Там же. Оп. 3. № 75. Л. 133]. (В нашей литературе об этом поступлении впервые было упомянуто в книге Т.В. Станюкович [Станюкович 1953: 169].)

Возникает и такой вопрос: почему вообще Ф.К. Руссов, досконально знавший «Ведомость редкостям», отделял один новозеландский предмет, № 736-120, от двух других резных фигур *теко-теко* с инвентарными номерами 736-118 и 736-119, которые несомненно происходят из собрания музеума Адмиралтейского департамента, если судить по номерным этикеткам «453» и «455», зафиксированным на них при регистрации 1903 г. (см. оригинальную опись № 736). Предположить в данном случае можно только одно: в конце XIX в. новозеландское «украшение лодки» хранилось отдельно от вещей, поступивших из музеума. Тогда, конечно, возникает проблема третьего новозеландского идола по «Ведомости редкостям», на котором должна была быть наклеена в настоящее время недостающая этикетка «454». Эту проблему мы временно исключаем из рассмотрения. Окончательное или максимально приближающееся к окончательному решение может быть достигнуто после того, когда все сохранившиеся документы, в том числе те, о которых мы еще даже не знаем, будут найдены, а все предметы, относящиеся к ранним океанским (и не только) поступлениям будут «разложены» по своим *историческим* местам.

Остановимся более подробно на хронологии событий, связанных с посылкой «таитянского идола» в 1806–1807 гг. Как уже указывалось выше, 22 октября 1806 г. Л.С. Ваксель пишет письмо, в котором сообщает о продаже с аукциона Музея сэра Эштона Лёвера. К письму прилагается список предметов, упакованных в один ящик («*dans une seule caisse*») и посланных в Императорскую Академию с судном «Чарльз Вильямс» под командованием капитана Джона Мэттера (Matter). В списке значатся три экспоната, которые были куплены Л.С. Вакселем, чтобы дать возможность

Академии судить о стоимости подобных предметов с тем, чтобы одобрить дальнейшие приобретения [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 79]:

Une Simia Midas

Une chave Souris de la Mer du Sud

Un poisson appelé Harlequin Hangler. Lochius Hiftrio (другим почерком. — П.Б.).

На заседании 14 января 1807 г. (№ 2, § 13) было зачитано письмо Вакселя, посланное из Лондона 16 ноября 1806 г. В этом письме он делает предуведомление о том, что будущей весной собирается послать в Санкт-Петербург зоологические экспонаты, «*presque les plus belles choses du Cabinet de Lever*» [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Л. 3–4]. Там же он сообщает о том, что занят составлением Каталога, который вышлет с первым же курьером.

Собственноручный список Л.С. Вакселя, датированный декабрем 1806 г. и зачитанный на заседании Академии 11 февраля 1807 г. [Там же. Л. 132–133, 138], представляет собою весьма обширный перечень естественно-научных экспонатов, в котором три вышеупомянутых значатся как отсутствующие с пометкой, что они были посланы ранее с судном «Чарльз Вильямс» в октябре 1806 г. [Там же. Оп. 2-1807, § 64. Л. 1, 2].

По всей видимости, этот список и следует связывать с посылкой «*trois grandes caisses*», подробное сообщение о которой содержится в письме Вакселя от 24 марта, зачитанном на заседании Академии 13 мая 1807 г. [Там же. Оп. 3. № 75. Л. 132–133]. В частности, в письме говорится, что в течение 10 дней или несколько позже ящики будут погружены на судно *The Baltic Merchant* (Capt. Bowser). При этом особо отмечается, что в ящике № 1 среди прочих вещей находится «*une idole d’Otahiti; de la propre collection du fameux capitain Cook*» [Там же. Л. 133]. «Ваше Превосходительство, — пишет Ваксель, — позвольте мне покорно Вас просить о привлечении внимания к этому идолу тех Членов [Академии], кто занимается изучением древностей. Здесь (в Лондоне. — П.Б.) этот идол рассматривается как одна из самых больших редкостей, поскольку здесь не существует какого-либо другого подобного предмета, а также поскольку, если взглянуть внимательнее (*en l’examinant en details*), его нельзя определить иначе, как Бога Приапа (*Dieu Priap*), знание о котором у таитян должно казаться удивительным, хотя, несомненно, сходные идеи поклонения встречаются у отдаленных [друг от друга на значительные расстояния] наций, и [даже находящихся] в двух [разных] полушариях, народы которых на протяжении длительного времени не имели никаких сношений между собою [Там же. Л. 133].

В письме, зачитанном на заседании Академии 20 мая 1807 г., Л.С. Ваксель писал: «Посылаю уже третье письмо, датированное 5-м апреля, чтобы сообщить Вам о недавней посылке ящиков и списка предметов, содержащихся в каждом» [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 138]. И далее: «Это письмо, в получении которого [Академией] я проявляю столь большую обеспокоенность, было послано с фельдъегерем Густавом Беренсом в кон-

верте Его Превосходительства Г^{на} Будберга (Mr de Boudberg). Господин Беренс отбыл морским путем в Мемель, чтобы доставить сюда эти депеши Его Императорскому Величеству, который, по предположению нашего посла, должен был находиться здесь в это время. Я боюсь, как бы мой пакет (*казенной*) не был послан Министру иностранных дел, и покорно Вас прошу, не соблаговолите ли Вы разузнать об этом в его Канцелярии» [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 138].

В письме от 12 апреля (пришло и зачитано вместе с письмом 5 апреля?) Ваксель извещает об отправке трех ящичков. Constituler Кессарев и Commissaire de Musée (И. Алексеев. — П.Б.) должны были отправиться на таможню для получения этих ящичков и проследить, чтобы при вскрытии вещам не был нанесен ущерб.

Наконец 27 мая 1807 г. А.Ф. Севастьянов, теперь «экстраординарный академик», экспонировал в Зале собраний предметы, лежащие в трех (sic!) ящичках, посланных из Лондона Вакселем. Сравнив содержимое ящичков с каталогом, составленным Вакселем в декабре 1806 г., он нашел, что все предметы на месте [Там же. Оп. 1а. № 18. Л. 58]. И поскольку из письма Вакселя от 24 марта 1807 г. известно, что в ящичке № 1 должен был находиться «une idole d’Otahaiti», мы можем заключить, что он все-таки прибыл в Санкт-Петербург. При этом надо лишь помнить, что в сопроводительный каталог этот предмет не был включен, как не было специального упоминания об идолу при вскрытии ящичков. Возможно, это объясняется тем, что идолу было посвящено отдельное письмо, в котором было указано, в каком ящичке он находится, и это Вакселю казалось достаточным.

Описание Вакселем «таитянского идола» должно свидетельствовать о появлении в Кунсткамере в начале XIX в. весьма характерного антропоморфного изображения. В античной мифологии Приап — объект итифаллического культа. Подобное сравнение с богом Приапом само по себе служит довольно точным описанием новозеландского предмета. Но более всего в этом отношении характерна фраза: «если взглядеться внимательнее (en l’examinant en details), его нельзя определить иначе, как Бога Приапа» (см. выше). В силу высокой степени стилизованности данного изображения, представляющего собой сложную многофигурную композицию, действительно приходится вглядываться, чтобы вычленить фигуру главного персонажа, так напомнимшего Вакселю образ античного бога.

В завершающей части статьи, когда нами собраны все наиболее вероятные варианты, связанные с подбором предметов Л.С. Вакселя в МАЭ, можно проверить нашу версию, обратившись к каталогу распродажи Музея Левера в 1806 г.

Среди лотов аукциона было не так много вещей, которые могут представлять собой деревянные скульптурные изображения:

411. Curious idol, formed of a dark, heavy wood from Easter Island

412. Idol, formed of the wood of the Great fruit tree [1979: 20].

1084. Idol from ditto (Otaheite. — П.Б.) [1979: 38].

1803. Curious idol, from ditto (Otaheite. — П.Б.) [1979: 77]

5526. A small idol, from Otaheite; and another, from Sandwich Islands [1979: 250].

5663. A small idol, Sandwich Islands; and a ditto, from Otaheite [1979: 254–255].

6255. ...a singular idol, Nootka Sound [1979: 273–274]

6256. ...a small idol, from ditto (Nootka Sound. — П.Б.) [1979: 275]

6646. ...minute idols, and sundry others, from ditto (Sandwich Islands. — П.Б.) [1979: 287–289]

Как видим, набор предметов не противоречит нашей гипотезе, в Музее Левера были скульптуры с о-ва Пасхи, Таити и Гавайских островов.

Теперь мы можем обратиться к другому источнику по коллекциям Музея Левера. Речь идет о серии акварелей английской художницы Сары Стоун, которая в начале 1780-х годов по заказу самого Эштона Левера зарисовала большое число экспонатов его знаменитого музея в Лондоне. Результатом ее работы стали три альбома, долгое время остававшиеся в руках наследников Левера. Кроме того, были еще и многочисленные «loose drawings» [Keappler 1972: 197]. Альбом № 2 и № 3 приобрел в Лондоне в 1940 г. капитан Э. Фуллер, а альбом № 1 в 1928 г. — Австралийский музей [Ibid: 197]. Среди ее рисунков есть и изображения деревянных фигурок: три-четыре гавайских идола и несколько резных скульптур, относящихся к традиционной культуре жителей северо-западного побережья Северной Америки (один из предметов явно относится к числу «minute idols») [Force & Force 1968: 97, 101, 156, 159].

При наложении списка идолов из каталога аукциона 1806 г. на видеоряд, образуемый акварелями Сары Стоун, нам явно недостает изображений предметов, обозначенных топонимами «Easter Island» и «Otaheite» (каково бы ни было их действительное географическое происхождение). Некоторые из этих неопознанных идолов, местонахождение которых в настоящее время неизвестно, вполне вероятно, могли оказаться в поле зрения Вакселя. Будучи в Лондоне, как это видно по всему, он буквально охотился за вещами из Музея Левера. Возможности для этого были. Например, известно, что многие вещи, приобретенные различными лицами на распродаже Музея Левера в 1806 г., впоследствии неоднократно меняли своих владельцев [Keappler 1972: 198–199]. Весьма показательно, что Ваксель интересовался прежде всего скульптурными изображениями. В этом проявлялся интерес коллекционера к античной скульптуре, если вспомнить его собственную книгу «Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря...». Неслучайным в этом плане, становится и его сравнение приобретенного в Лондоне «идола с Таити» с древнегреческим Приапом.

Безусловно, принадлежность фигурок, приобретенных Вакселем в Лондоне в 1807 и 1809 гг., к собраниям Музея Левера пока остается лишь гипотезой, основанной на том соображении, что, «вставив» их в каталог

аукциона 1806 г., мы получим почти полный список предметов этого класса, к тому времени находившихся в музее. Однако лондонское происхождение этих вещей уже не подлежит никакому сомнению. Основная проблема, к которой мы пришли в итоге настоящего исследования, связана с поиском третьего «новозеландского идола», на который был наклеен печатный номер «454» музея Амиралтейского департамента. Был ли этот номер на предмете № 736-120 или на каком-то другом предмете? Соответственно если номер «454» принадлежал другому, пока неизвестному предмету, то предмет № 736-120, бесспорно, является «идолом с Таити», присланным Вакселем из Лондона в 1807 г. В свою очередь, установление этого факта существенно подкрепило бы и наш вывод о происхождении трех рапануйских фигурок. Кроме того, многое может проясниться, если нам удастся более подробно узнать о лондонском периоде жизни Л.С. Вакселя, имея в виду его круг знакомств и личную переписку. Таково состояние данной проблемы в настоящее время.

Есть у этой проблемы и сугубо научная сторона. Размышления Л.С. Вакселя по поводу «идола с Таити» возникают на пересечении истории (интерес к «антикам») и географии (интерес к «редкостям» естественно-научного характера). В результате такого соединения (если помнить, из какого «материала» когда-то была создана наука этнография) его комментарий к образу полинезийского божка приобретают явно этнографический оттенок. Даже при описании кенгуру он приводит аборигенное название этого животного. Здесь стоит повторить его слова о том, что «несомненно, сходные идеи поклонения встречаются у отдаленных [друг от друга на значительные расстояния] наций, и [даже находящихся] в двух [разных] полушариях, народы которых на протяжении длительного времени не имели никаких сношений между собою». Сказанное звучит вполне в духе эволюционистского учения, предполагая наличие уже сформировавшейся к тому времени среды, в которой подобные идеи имели довольно широкое хождение. Как мы знаем, в Кунсткамере XVIII в. существовала целая галерея восковых манекенов представителей различных народов в традиционных одеждах, включая изображения шаманов. Это не что иное, как особая форма этнографического «текста», знаменующая начало научного изучения традиционной культуры.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что мы находимся в самом начале пути исследования ранних коллекций МАЭ. На этом этапе какие-либо окончательные выводы по каждой отдельной вещи невозможны ввиду того, что интерпретация одной вещи равна интерпретации всех вещей, поступивших в этот период. Это означает, что работы, посвященные проблеме реставрации тех или иных коллекций, должны представлять собой своего рода открытые системы с оставлением свободного пространства для дальнейших интерпретаций (добавлений и изменений), в конечной и пока очень отдаленной перспективе восходящих от отдельных предметов ко всему собранию. Сначала мы «испаряем» то хаотическое целое, которое имеем в настоящий момент, а затем воссоздаем его в конкретной форме реальных исторических взаимосвязей всего множества поступле-

ний. Стремясь зафиксировать или «запатентовать» некие достижения в этом направлении, которые мы уже несомненно имеем в качестве законченных «атрибуций» для составления каталогов, мы фактически уводим исследования в сторону или отрезаем себе путь к пониманию взаимосвязи между отдельными вещами и коллекциями. В этом случае, пользуясь образом М.И. Стеблин-Каменского при анализе мифа, даже при некоторых успехах старые коллекции МАЭ так и останутся не связанными друг с другом кусками прерывного музейного пространства, из которых невозможно составить единую карту мира ранних поступлений.

Resume

Until recently the earliest Easter Island figures (№№ 736-203, 736-204, 736-205) housed in St.-Petersburg's Kunstkamera (MAE) were thought to be from the one of the first Russian over the world voyages in 19th century namely from Captain Lisianski visit in 1804 (Adrienn L. Kaeppler's opinion). Nevertheless, the last studies of old museum documents makes us reconsider this theory. Now, it seems reasonable to conclude that three Easter Island idols from 736 collection were given by Russian engineer L. Waxel to the Imperial Academy of Sciences in 1809. Practically, this conclusion matches David Attenborough's hypothesis on their possible Cook voyages provenance.

Библиография

Ваксель Л. Описание чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей, в Англии в 1802 г., изобретенной для удобнейшего и легчайшего перевоза разных грузов и тяжестей лошадьми. СПб., 1805.

Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1895. Т. IV. Отд. II.

Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797-м году. Часть третья.

Коцебу О.Е. Путешествие в Южный Океан и Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением Его Сиятельства господина государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцова на корабле «Рюрике» под начальством флота лейтенанта Коцебу. Санктпетербург, 1821. Ч. I.

Коцебу О.Е. Путешествие вокруг света. М., 1948.

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, по повелению Его Императорского Величества Александра Первого на корабле «Неве» под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского. СПб., 1812. Ч. I.

Морская карта рассказывает. М., 1986.

Русские мореплаватели. М., 1953.

Русский биографический словарь. СПб, 1912. Т. 20.

Русский биографический словарь. М., 2000. Вавила-Витгенштейн.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

Форстер Г. Путешествие вокруг света. М., 1986.

Attenborough D. The First Figures to be collected from Easter Island // Courier Forch.-Inst.Senckenberg. Frankfurt a.M. 1990.

Force R.W., Force M. Art and Artifacts of the 18th Century. Objects in the Leverian Museum as painted by Sarah Stone. Honolulu, 1968.

Joppien R., Smith B. The Art of Captain Cook's Voyages. Volume Two, The Voyage of the Resolution and Adventure 1772–1775. New Haven and London, 1985.

Kaeppler A.L. Artificial Curiosities // Bernice P. Bishop Museum special Publication 65. Honolulu, 1978.

Kaeppler A.L. Rapa Nui Art and Aesthetics // Splendid Isolation. Art of Easter Island. New York, 2001. P. 32–42.

Kaeppler A.L. Sculptures of barkcloth and wood from Rapa Nui. Symbolic continuities and Polynesian affinities // Res. 2003. № 44. P. 11–69.

Leverian Museum. A Companion to the Museum, MDCCXC. The Sale Catalogue of the Entire Collection 1806. A Facsimile Reprint of the above two rare Volumes, the sale Catalogue with Manuscript annotations, Prices, and Buyer' Names. London, 1979.

Rozina L.G. The James Cook Collection in the Museum of Anthropology and Ethnography, Leningrad / Ed.by A.L. Kaeppler // BPBM. 1978, 3-17.

Russow Fr. Beitrage zur Geschichte der Ethnographischen und Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg // Сб. МАЭ. Т. I, 1900.

Архивные документы

МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1, папка 1. Музей антр.и этнограф. Журнал поступлений 1837–1877 («Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.»).

МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. № 16 / 1,2,3. Ведомость редкостям, отданным из музея бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую академию наук.

МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 2. № 1. Каталог поступлений. II. 251–1000.

РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 521. Опись коллекций и книг, переданных из Ученого комитета в Музей.

РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 523. О книгах, картинах, моделях и других вещах, поступивших в Музеум без платежа денег в 1805 году.

РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 528. О книгах, картах, редкостях и разных вещах, пожертвованных Музеуму и поступивших в оной без платежа денег в 1806 году.

РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 762. Описи коллекций, собранных кап. Ю.Ф. Лисянским и кап.-лейт. П.В. Повалишиным во время первого кругосветного плаванья на шлюпе «Нева» в 1803 г.

РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1201. О передаче в музей коллекции надв. сов. Вакселя.

РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1203. Опись музейным экспонатам («Генеральная опись вещам, поступившим в Музеум с 1805 года»).

РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 127. Дело о передаче вещей из Музеума бывшего Г.А.Д. и об удержании некоторых вещей.

РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 184. Указы Государственного адмиралтейского департамента о принятии моделей и др. экспонатов на хранение в музей, об уничтожении ветхих моделей.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 12. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 15. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 16. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 17. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 20. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 23. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 24. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 27. Протоколы Конференции Академии наук.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-1807, д. 6. VI заседание 2 февраля, §§ 62–72.

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Входящие письма. 1806–1808.

ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1827. № 3. Об академических зданиях.

Моаи кавакава
(МАЭ РАН. Колл. № 736-203)

«Фигурка с гребнем»
(МАЭ РАН. Колл. № 736-205)

Моаи тангата ману,
«человек-птица» (МАЭ РАН.
Колл. № 736-204)

Резная фигура теко-теко,
Новая Зеландия
(МАЭ РАН. Колл. № 736-118)

Резная фигура теко-теко,
Новая Зеландия
(МАЭ РАН. Колл. № 736-119)

Предмет неизвестного назначения
(МАЭ РАН. Колл. № 736-120)

Идол из Морая Отаити. По «Ведомо-
сти редкостям» 26 января 1828 г.
(МАЭ РАН. Колл. № 736-226)